

Ю. Д. АПРЕСЯН

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ТОМ II

ИНТЕГРАЛЬНОЕ
ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА
И
СИСТЕМНАЯ
ЛЕКСИКОГРАФИЯ

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

Ю. Д. Апресян

**Избранные труды
том II**

**ИНТЕГРАЛЬНОЕ
ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА
И
СИСТЕМНАЯ
ЛЕКСИКОГРАФИЯ**

**Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»**

ББК 81
А86

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту 95-06-31829*

Апресян Ю.Д.

А86 Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
ISBN 5-88766-045-7

Во втором томе обсуждаются лексикографические проблемы, возникающие в рамках теории интегрального лингвистического описания. Подробно рассматриваются типы лексикографической информации для толкового словаря и объяснительного словаря синонимов, а также основные принципы и понятия системной лексикографии. Несколько публикуемых в книге работ посвящены формальным моделям языка и структурной поэтике.

ББК 81

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: helle_d@danadata.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-88766-045-7

© Ю.Д.Апресян, 1995
© А.Д.Кошелев. Серия
«Язык. Семиотика. Культура», 1995
© В.П.Коршунов. Оформление серии, 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

Второй том предлагаемого читателю двухтомника содержит 25 работ, тематически распределенных по пяти главным рубрикам: 1) интегральное описание языка, 2) проблемы синонимии и словаря синонимов, 3) системная лексикография, 4) описание семантики через синтаксис, 5) формальные модели языка.

Как уже говорилось в предисловии к первому тому, второй том был задуман как непосредственное продолжение и развитие проблематики “Лексической семантики”. Основными с этой точки зрения оказываются темы интегральности лингвистического описания синонимии и системной лексикографии. Они составляют предмет первых трех разделов книги; именно им посвящено подавляющее большинство публикуемых в ней работ.

Помимо этого в предшествующие годы я много занимался еще двумя темами — описанием семантики через синтаксис и формальными моделями языка. По разным причинам они представлены в этой книге гораздо более скупко.

Идея описания семантики через синтаксис покоится на предположении, что по наблюдаемым свойствам слова, а именно, по набору присущих ему синтаксических конструкций, можно в известной мере реконструировать его более глубоко запрятанные семантические свойства (принцип редукционизма). Эта идея была навеяна, с одной стороны, мыслями акад. В. В. Виноградова о конструктивной обусловленности лексических значений, а с другой — поисками объективных методов изучения единиц высших уровней в духе американского дистрибутивизма и трансформационализма.

Впоследствии были предложены прямые, чисто семантические методы описания не только лексических, но и любых других языковых значений, и редукционизм сошел со сцены. Оказалось, что прямые методы дают знания, которые по богатству и тонкости существенно превосходят результаты синтаксических методов, нисколько не теряя при этом в верифицируемости.

По указанной причине описание семантики через синтаксис представлено здесь всего одной работой. Ее вполне достаточно в качестве образца, иллюстрирующего возможности и пределы рассматриваемого подхода.

Тема формальных моделей языка тоже представлена всего двумя работами, отобранными из нескольких десятков. Усвоение формальных работ требует

такой степени математической подготовки и вкуса к погружению в технические детали, каких было бы нереалистично ожидать от потенциальных читателей этой книги.

Впрочем, самый существенный результат формального описания языка, которое и по сей день представляется мне исключительно плодотворным методом общей лингвистики, в полной мере удержан в принципе интегральности лингвистического описания и в идеях системной лексикографии.

В разное время и по достаточно случайным поводам я отвлекался на некоторые другие темы, никак между собою не связанные, которыми, однако, я был по-настоящему увлечен. Несколько работ, возникших в результате таких занятий, были отобраны для небольшого раздела *miscellanea*, составляющего последний, шестой раздел второго тома.

Мне остается сделать несколько разъяснений по поводу самих текстов публикуемых во втором томе работ.

В предисловии к английскому переводу “Приглашения на казнь” В. Набоков писал: “Если я когда-нибудь составлю словарь толкований, которым недостает лишь заглавных слов, то давно лелеемой словарной статьей в нем будет: “сокращать, расширять или иным образом изменять или заставлять изменять, с целью запоздалого совершенствования, свои собственные произведения при переводе”. Я разделяю содержащуюся в этой формулировке импликацию: текст оригинала должен сохраняться полностью, как бы критически он ни воспринимался поумневшим автором.

В соответствии с “принципом Набокова” все собранные в этом томе работы издаются именно в том виде, в каком они были впервые опубликованы (немногие исключения, вызванные чисто техническими причинами, оговариваются особо).

Это касается как существа дела, так и форм представления результатов.

Применительно к существу дела это значит, что в них сохраняются содержательные ошибки. Скажем, в статье “Синтаксическая обусловленность значений” пары фраз типа *Он залил бак горючим — Он залил горючее в бак* трактовались как “ситуативно равнозначные”. Это очевидным образом неверно: левые элементы таких пар всегда имеют так называемую “холистическую” интерпретацию, вовсе не обязательную для правых. Общий источник этой и других подобных ошибок — переоценка роли формально-синтаксических трансформаций (в определении которых не входит условие семантической инвариантности трансформов) как средства установления семантических тождеств и различий. В более поздних работах такие неправильные решения были пересмотрены.

Вторая содержательная особенность публикуемых текстов состоит в том, что в них встречаются разного рода повторы.

В некоторых статьях повторяются определения ряда введенных или модифицированных автором теоретических понятий, таких, как “системная лексикография”, “интегральное описание языка”, “лексикографический тип”, “лексикографический портрет”, “наивная (языковая) картина мира” и ряда других.

Иногда повторяются, вместе с комментариями, и ключевые примеры, с помощью которых они поясняются.

Всякому, кто занимался достаточно детальной разработкой лингвистической теории, очевидно, что такие повторы неизбежны, хотя они и выглядят неэстетично. Любая статья должна, с одной стороны, сохранять автономность, а с другой — вписываться в более общий контекст этой теории.

Что касается формы изложения, то здесь, конечно, можно было бы пойти на существенную коррекцию (скажем, модернизировать и унифицировать оформление ссылок на цитируемую литературу), не рискуя согрешить против истины. Однако такая системная правка, как и другие ей подобные, потребовала бы детальной ревизии всех текстов, на которую, по предварительным прикидкам, автору потребовалось бы заведомо более одного года. В нынешних условиях книгоиздания, когда средства, с трудом выкроенные из небогатых общественных фондов, должны быть реализованы в течение года, попытка внести даже такие чисто технические изменения могла бы поставить под угрозу все издание.

Автор надеется на снисходительность читателя, т.е. на то, что он будет критичен только по отношению к существу дела, а не к техническому оформлению статей. Непоследовательность технического оформления объясняется не столько непоследовательностью автора, сколько историческими колебаниями книгоиздательского ГОСТ'а и несовпадениями в оформительских требованиях редакторов разных изданий.

В заключение мне остается выполнить одну приятную обязанность — выразить признательность Г. И. Кустовой за составленные ею указатели ко второму тому.

Часть I

Интегральное описание языка

ТИПЫ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ПОВЕРХНОСТНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА МОДЕЛИ «СМЫСЛ \Leftrightarrow ТЕКСТ»*

1. Общая характеристика модели и задачи ее поверхностно-семантического компонента

Многолетние попытки формально и в достаточно полном объеме описать семантику естественного языка до сих пор оканчивались неудачей. Из этого, однако, вовсе не следует, что они были бесплодными. Чрезвычайно плодотворным результатом этих семантических исследований было, во-первых, введение в научный оборот большого корпуса фактов, никогда раньше не рассматривавшихся; во-вторых, выдвижение новых теоретических принципов и новых идей относительно того, как устроен объект изучения; в-третьих, осознание того факта, что формализация семантических описаний в настоящее время была бы преждевременной, потому что объем материалов, которые еще только предстоит освоить, в десятки, а может быть, и в сотни раз превосходит все то, что уже было освоено.

Поэтому в данной работе мы ни в коем случае не ставим перед собой задачи построить сколько-нибудь полный семантический компонент модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" или хотя бы фрагмент такого компонента. В связи с этим полезно подчеркнуть, что все определения, правила и толкования, содержащиеся в данной работе, носят предварительный и эскизный характер и очевидным образом нуждаются в уточнениях и дополнениях. Мы ставим перед собой гораздо более скромную цель — очертить типы семантической информации, без которых не может обойтись никакая формальная модель языка, если она претендует на то, чтобы быть адекватной своему объекту; правда, в двух местах (разделы 1.5 и 3.4.2 — 3.4.4) мы выходим за рамки собственно семантической информации.

* Книга была впервые напечатана в качестве Sonderband № 1 в альманахе Wiener Slawistischer Almanach, Wien, 1980.

В работе принимается и предполагается известной читателю общая концепция модели "Смысл \Leftrightarrow Текст", предложенной в Мельчук 1974а (см. также Жолковский и Мельчук 1967). Ниже в тезисной и, может быть, несколько догматической форме напоминаются те положения модели, которые представляют принципиальный интерес при обсуждении семантических проблем. Предлагаемые нами дополнения и уточнения излагаются более развернуто и по возможности мотивируются.

1.1. Объект моделирования

Объектом моделирования является феномен, называемый "владением языком". Владение языком — словарем и грамматикой — отграничивается от знания логики и знания действительности. Считается, что два последних рода знаний должны описываться не лингвистической моделью, а самостоятельными, хотя и сопряженными с ней, моделью мышления и моделью "представления знаний о мире". Поэтому не предполагается, что формальная модель языка должна различать такие свойства предложений, как логическая непротиворечивость — противоречивость (аналитическая истинность — ложность), осмысленность—бессмысленность, соответствие—несоответствие реальному положению вещей (синтетическая истинность — ложность) и т. п.

Владение языком проявляется у его носителей в следующих трех способностях:

(1) способности выражать заданный смысл многими (в идеале, всеми) различными способами, т. е. строить множество синонимичных друг другу предложений языка (говорение, или синтез);

(2) способности извлекать смысл из заданного предложения, а также распознавать синонимию внешне различных и омонимию внешне совпадающих предложений (понимание, или анализ);

(3) способности отличать правильные в языковом отношении предложения от неправильных.

Здесь необходимы два комментария.

Во-первых, в пунктах (1) — (3) речь идет об установлении различных свойств предложений естественного языка, а не текстов на нем. В связи с этим полезно обратить внимание на то, что модель "Смысл \Leftrightarrow Текст" в ее нынешнем состоянии является, по существу, лингвистикой предложения, а не лингвистикой текста.

Во-вторых, некоторые формулировки пункта (2) ("распознавать синонимию внешне различных и омонимию внешне совпадающих предложений") могут навести на мысль об известной симметрии этих двух типов семантических отношений между предложениями. В действительности такой симметрии нет. Свойство иметь синонимы присуще всем предложениям естественного языка, а свойство иметь омонимы присуще лишь некоторым из них. Однако методологически формулировки пункта (2) полезны, потому что, вместе с (1), они создают одну из важнейших установок модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" — уста-

новку на множественный синтез (порождение синонимии) и на множественный анализ (распознавание омонимии) предложений.

1.2. Структура модели "Смысл \Leftrightarrow Текст"

Модель "Смысл \Leftrightarrow Текст" определенного естественного языка представляет собой единое формальное описание его грамматики и словаря, реализованное в виде системы правил, которые функционально подобны носителям этого языка в отношении трех перечисленных выше способностей. Концепция "единого", или "интегрального", лингвистического описания, известная в лингвистике по крайней мере с 1964 года (*Katz and Postal 1964*) и представляющая собою одно из главных новшеств современной теоретической мысли, применительно к модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" может быть представлена следующими тезисами:

(4i) Словарь является неотъемлемой частью полного теоретического описания языка, во всех существенных отношениях уравненной с грамматикой;

(4ii) Формальный словарь и формальная грамматика как части единой теории языка должны быть идеальным образом согласованы друг с другом в отношении распределения языковой информации, форм ее записи и взаимодействия грамматических правил со словарными материалами (правилами и объектами)¹;

(4iii) Требование согласования грамматической и словарной информации включает в себя, в частности, требование того, чтобы значения всех содержательных единиц языка — слов, фразем, граммем, конструкций, просодических элементов — были описаны на одном и том же семантическом языке² (ср. *Gruber 1976: 3*).

С другой точки зрения модель "Смысл \Leftrightarrow Текст" представляет собой многоуровневый транслятор текстов в смыслы и наоборот. Выделяются четыре основных уровня — фонетический, морфологический, синтаксический и семантический. Каждый из них, за исключением семантического, подразделяется на два других уровня — поверхностный и глубинный; нам аналогичное деление представляется необходимым и на семантическом уровне (см. ниже).

Модель "Смысл \Leftrightarrow Текст" — это

– набор формальных языков для записи представлений предложения на всех уровнях, включая правила внутриуровневых преобразований и условия правильности формальных представлений (последние включают проективность деревьев зависимостей относительно предложений, несочетаемость или неповторимость актантных синтаксических отношений в деревьях зависимостей и графах, насыщенность обязательных валентностей лексем, непересечение темы и ремы, непересечение пресуппозиции и утверждения, внутреннюю непротиворечивость пресуппозиций, внутреннюю непротиворечивость модальной рамки, отсутствие противоречия между утверждением и модальной рамкой — см. *Иорданская 1967, Апресян 1978*);

– совокупность двусторонних (обратимых) правил межуровневых преобразований, в которых, помимо объектов двух соседних уровней, может быть использована и другая обращающаяся в модели информация, в том числе информация о некоторых характеристиках языковых единиц в представлениях любых уровней (ср. *Lakoff 1970*); в ходе этих преобразований могут возникать "гибридные" объекты, обладающие свойствами объектов обоих соседних уровней;

– толково-комбинаторный словарь, материалы которого используются в некоторых типах внутриуровневых правил и во всех типах межуровневых правил, за исключением, может быть, глубинно-фонетических и поверхностно-морфологических.

На каждом из восьми уровней исходный текст, обычно – предложение (при анализе) или исходный смысл (при синтезе), получает определенный формальный образ, называемый представлением предложения соответствующего уровня. Мы будем иметь дело главным образом с глубинно-синтаксическими и поверхностно-семантическими представлениями.

Представление предложения на каждом из двух интересующих нас уровней состоит из а) структуры соответствующего уровня, б) сведений о коммуникативной организации предложения (тема и рема, данное и новое³, пресуппозиция и утверждение, логические акценты и эмфатические выделения), в) сведений о референтности – нереферентности – кореферентности различных узлов, г) указаний об областях действия одних единиц относительно других.

Главной частью представления предложения является его структура. Специальный интерес в рамках данной работы представляют два типа структур – глубинно-синтаксическая и поверхностно-семантическая.

1.3. Глубинно-синтаксическая структура (ГСС)

ГСС – это дерево зависимостей с составляющими, т. е. такое дерево, в котором стрелки могут соединять не только узлы, но и группы узлов⁴. В узлах ГСС стоят имена лексем глубинно-синтаксического языка с необходимыми характеристиками, а стрелки зависимостей соответствуют одному из универсальных (единых для всех языков) подчинительных отношений глубинного синтаксиса. Охарактеризуем сначала словарь глубинно-синтаксического языка, а затем – его синтаксис.

К числу словарных единиц глубинно-синтаксического языка относятся а) все семантически содержательные слова естественного языка, б) имена фразеологических единиц, каждая из которых тоже стянута в единый узел, в) фиктивные глубинно-синтаксические слова, являющиеся интерпретацией семантически содержательных поверхностно-синтаксических отношений, г) фиктивные потенциальные слова, предсказываемые словообразовательной системой языка в целом и вводимые для сохранения общности некоторых правил перифразирования.

В число глубинно-синтаксических отношений входят 6 актантных отношений (считается, что более чем шестиместных предикатов в естественных языках нет — см. *Апресян 1974*), а также координативное, атрибутивное и присоединительное отношения. Координативное отношение описывает разного рода сочинительные конструкции, атрибутивное — определительные, обстоятельственные, аппозитивные, количественные, ограничительные, разъяснительные, собственно атрибутивные и некоторые другие конструкции, присоединительное — разного рода вводные конструкции.

В связи с тем, что синтаксис глубинного языка является по замыслу универсальным, глубинно-синтаксические отношения должны быть асемантические. Это значит, что все семантически содержательные поверхностно-синтаксические отношения на глубинно-синтаксическом уровне должны быть проинтерпретированы, т. е. переработаны в фиктивные слова группы в). При такой постановке вопроса оказывается, что в глубинно-синтаксические слова должно быть отображено гораздо большее число поверхностно-синтаксических отношений, чем предполагалось раньше, и что сами эти отношения должны быть более дробными, чем в нынешней модели поверхностного синтаксиса. Это в особенности касается обстоятельственных и атрибутивных поверхностно-синтаксических отношений. Ниже мы рассмотрим в иллюстративных целях один пример из области обстоятельственных отношений — некоторые обстоятельственные конструкции с деепричастиями.

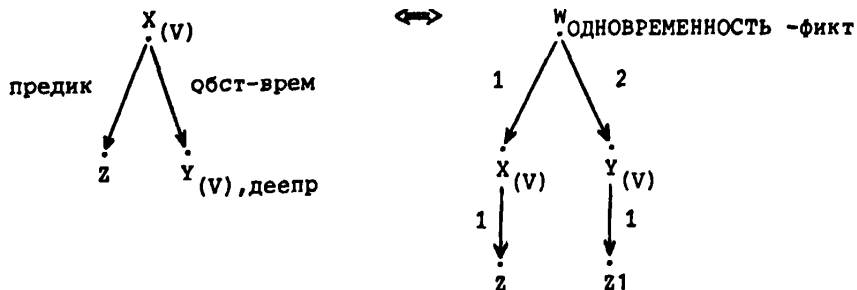
В исследованиях русских деепричастных конструкций (из последних работ см., например, *Богуславский 1977*) обычно отмечается, что препозиция и постпозиция деепричастия относительно глагола, к которому оно относится, играют смыслоразличительную роль. В большинстве случаев препозитивное деепричастие НЕСОВ, НАСТ обозначает одновременность (5i), а постпозитивное деепричастие — способ, манеру или обстоятельства осуществления действия (5ii):

(5i) *Сочиняя музыку, он ходит по комнате* ('когда сочиняет музыку — ходит'),

(5ii) *Он ходит по комнате, сочиняя музыку* ('ходит и при этом сочиняет музыку').

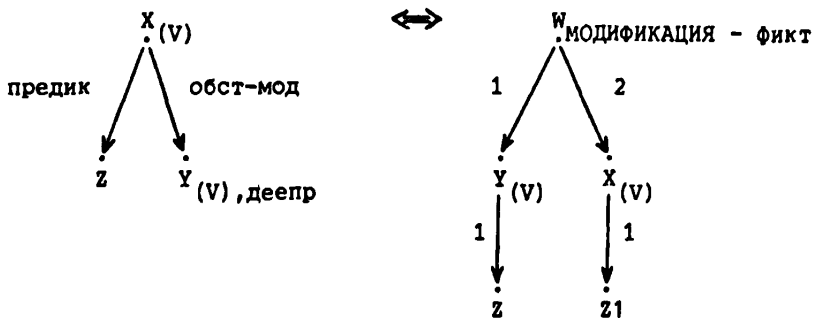
Очевидно, что семантическое различие между (5i) и (5ii) должно быть как-то отражено в поверхностно-синтаксическом представлении. Наиболее естественный способ сохранить его — это ввести два разных поверхностно-синтаксических отношения, например, обстоятельственно-временное для (5i) и обстоятельственно-модифицирующее для (5ii). Тогда поддеревья вида $X \xrightarrow{\text{обст.-врем}} Y$ будут перерабатываться глубинно-синтаксическим правилом (5'i) в подструктуры с фиктивным словом 'одновременность', а поддеревья вида $X \xrightarrow{\text{обст.-мод}} Y$ будут перерабатываться глубинно-синтаксическим правилом (5'ii) в подструктуры с фиктивным словом 'модификация':

(5'i)

COREF (Z1,Z) и $Z1 = Z$ (т. е. Z1 и Z кореферентны и равнолексемны).

(5'ii)

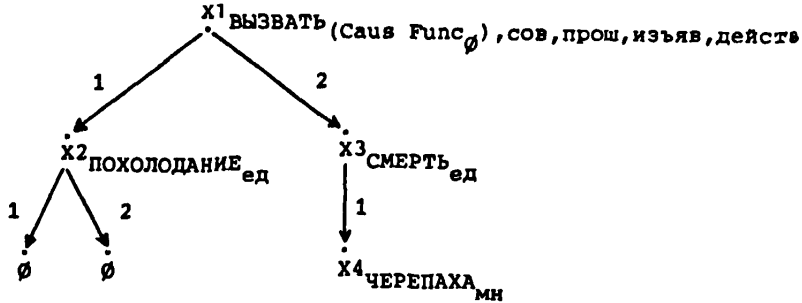
COREF (Z1,Z) и $Z1 = Z$

Очевидно, что каждое фиктивное глубинно-синтаксическое слово должно иметь самостоятельное толкование, отличное от толкования внешне совпадающего с ним слова естественного языка. В словаре у фиктивного слова должен быть особый вход.

Из слов и отношений глубинно-синтаксического языка строятся ГСС. Выше мы сказали, что в узлах ГСС стоят имена лексем глубинно-синтаксического языка с необходимыми характеристиками. В число необходимых характеристик узла, помеченного именем нефиктивной лексемы, входят сведения о его глубинно-синтаксических признаках, т. е. о том, значением какой лексической функции от какого аргумента он является, и сведения о семантически содержательных граммемах, т. е. тех граммемах, выражение которых диктуется существом сообщаемого, а не согласовательными синтаксическими правилами языка.

(6i) ГСС предложения *Похолодание вызвало смерть черепах* выглядит (с некоторыми упрощениями) следующим образом:

(6'ii)

Из (6'i) по весьма общим лексическим и синтаксическим правилам перифразирования, определенным в глубинно-синтаксическом языке, могут быть получены ГСС предложений (6ii) – (6vii) и многих других, синонимичные (6'i):

- (6ii) *Похолодание вызвало гибель черепах*
(замена *смерть* \Leftrightarrow *гибель* по правилу $X \Leftrightarrow \text{Syn}(X)$),
- (6iii) *Похолодание привело к смерти черепах*
(замена *вызвать* \Leftrightarrow *привести к* по тому же правилу),
- (6iv) *Смерть черепах проистекла из-за похолодания*
(замена *вызвать* \Leftrightarrow *проистечь из-за* по правилу $X \Leftrightarrow \text{Cov}_{21}(X)$),
- (6v) *Похолодание было причиной смерти черепах*
(замена *вызвать* \Leftrightarrow *быть причиной* по правилу $X \Leftrightarrow \text{Cov}_{11} S_1(X)$),
- (6vi) *Смерть черепах была следствием похолодания*
(замена *вызвать* \Leftrightarrow *быть следствием* по правилу $X \Leftrightarrow \text{Cov}_{11} S_2(X)$),
- (6vii) *Черепахи умерли из-за похолодания*
(замена *вызвать смерть* \Leftrightarrow *умереть из-за* по правилу $X \ Y \Leftrightarrow Y \xrightarrow{\text{attr}} \text{Adv}_{1B}(X)$).

Статус глубинно-синтаксического уровня время от времени становится предметом дискуссий и нуждается поэтому в дополнительном обосновании.

Постулируя определенный уровень представления предложений, желательно мотивировать необходимость его введения ссылкой на совокупность таких языковых фактов, которые 1) имеют одинаковую природу (ср. словоизменительные морфологические средства, описываемые на поверхностно-морфологическом уровне, словоизменительные морфологические категории, описываемые на глубинно-морфологическом уровне, специфические для данного языка синтаксические конструкции, описываемые на поверхностно-синтакси-

ческом уровне); 2) тесно друг с другом связаны, так что описание одного факта естественно влечет за собой описание другого факта, причем описание всех релевантных фактов может быть выполнено на одном и том же формальном языке; 3) не описываются с соизмеримой простотой и полнотой ни на каких других уровнях представления предложений.

В защиту глубинно-синтаксического уровня можно привести все три рода аргументов.

Если морфологические уровни описывают устройство морфологии естественного языка, а поверхностно-синтаксический уровень — его синтаксические конструкции, то глубинно-синтаксический уровень является инструментом описания лексики, включая туда и часть словообразования, т. е. инструментом описания устройства словаря естественного языка *par excellence*. Действительно, на этом уровне описывается, в терминах лексических функций-параметров, несвободная лексическая сочетаемость слов естественного языка. В терминах других лексических функций (в особенности — S_0 , A_0 , Adv_0 , V_0 , S_i , S_{res} , S_{loc} , S_{instr} , A_i , $Able_i$, Adv_i) описываются некоторые регулярные и продуктивные словообразовательные модели языка и их конкретные словесные проявления, притом не только в области классического словообразования, но и в области супплетивного словообразования и так называемого семантического словообразования (регулярной многозначности). Еще один тип лексических функций (S_{up} , $Conv$, $Anti$, $Gener$, $Mesur$, $Sing$, $Mult$ и многие другие) описывает основные семантические (не логические, не энциклопедические) классы слов естественного языка. Актантные глубинно-синтаксические отношения (1–6) описывают валентные свойства предикатных слов естественного языка, т. е. их способность присоединять к себе такие синтаксические зависимые, наличие которых диктуется семантическими свойствами данного предикатного слова. Наконец, в терминах лексических функций и глубинно-синтаксических отношений удастся сформулировать правила перифразирования — семантические уравнения, описывающие лексическую синонимию естественного языка в широком смысле слова и показывающие глубокие связи между всеми перечисленными выше типами языковых объектов (см. (6i)–(6vii)); о лексических функциях и правилах перифразирования см. *Жолковский и Мельчук 1967*.

Вообще говоря, никакого другого обоснования для введения глубинно-синтаксического уровня не требуется. Нельзя, однако, не заметить, что тот формальный язык, на котором записываются глубинно-синтаксические представления предложений, имеет еще две в высшей степени ценные функции: во-первых, в нем есть специальные глубинно-синтаксические слова, посредством которых интерпретируются семантически содержательные поверхностно-синтаксические отношения; во-вторых, лексические функции, выступающие в роли лингвистических понятий по отношению к конкретному естественному языку, приобретают статус системы метапонятий применительно к языку вообще и могут быть использованы в качестве универсального метаязыка общей лингвистической типологии.

1.4. Поверхностно-семантическая структура (ПСемС)

В первоначальной версии модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" не предполагалось, что семантический уровень представления предложений подразделяется на подуровни. Основным объектом этого уровня было семантическое представление, а его главным компонентом — семантическая структура (СемС), которая имеет вид связного ориентированного графа. Каждый из узлов графа соответствует некоему семантическому конструкту-слову семантического языка. Разумно допустить, что это может быть граф с "мешками", т. е. такой граф, ребра (дуги) которого соединяют не только отдельные узлы, но и группы узлов.

Вся чисто семантическая информация, содержащаяся в СемС, сосредоточена исключительно в узлах графа. Дуги графа — стрелки зависимостей — сами по себе не несут никакой смысловой информации, а указывают лишь на синтаксическую организацию смыслов (узлов)⁵.

Одному и тому же предложению может соответствовать несколько (иногда достаточно много) СемС, но эти СемС отличаются друг от друга не принципиально, а лишь степенью детальности представления смысла. Среди всех СемС имеется одна каноническая, составленная исключительно из простейших (неопределяемых) элементов смысла, своего рода смысловых атомов, различные комбинации которых формируют значения реальных единиц естественных языков.

Язык семантических графов является, по предположению, универсальным — единым для всех человеческих языков. Очевидно, что тогда все синонимичные друг другу предложения всех естественных языков должны быть отображимы в одно и то же семантическое представление (СемП) — их единый универсальный образ на семантическом языке.

Создание такого семантического языка продолжает оставаться конечной задачей лингвистической семантики, но перспектива получения надежных результатов в этой области, если исходить из реального опыта современных исследований, несколько отдалается.

Высказываемые ниже соображения о поверхностно-семантическом уровне представления предложений, как и только что данная оценка перспектив более глубоких разработок, отражают, как нам кажется, именно этот реальный опыт современных исследований семантических проблем.

Прежде всего следует самым определенным образом подчеркнуть, что никто из современных теоретиков семантики, за исключением, может быть, А. Вежбицкой (*Wierzbicka 1972*), не работает со столь глубокими СемС. Большинство исследователей используют гораздо более поверхностный семантический язык (ср. *Fillmore 1969*, *Мельчук 1974а*, *Падучева 1974*), а многие вообще не прибегают ни к какому специальному языку, довольствуясь перифразированием в качестве основного средства экспликации смысла предложений (ср. *McCawley 1971*, *Lakoff 1971*, *Chomsky 1971*).

Нам кажется, что это обстоятельство не случайно, что оно отражает не каприз исследователей и не преходящий этап в истории развития науки, а некоторые фундаментальные свойства изучаемого объекта.

Главным из этих свойств мы считаем национальное своеобразие семантики естественного языка. Это своеобразие имеет много различных проявлений, из которых, в первую очередь, следует упомянуть факт обязательности выражения некоторых смыслов в предложении.

Обычно, когда говорят об обязательности выражения некоторых смыслов в определенном естественном языке, ссылаются на значения грамматических категорий и грамматических слов (см. *Сэпир 1934, Jakobson 1959, Мельчук 1960*). Хрестоматийными примерами такого рода являются вид в славянских языках и артикль в романских. Русская глагольная форма, например, через грамматическую категорию вида выражает идею законченности или незаконченности действия, а французская глагольная форма, в особенности такая, как инфинитив или причастие, может оставлять эту идею невыраженной⁶. С другой стороны, при французском существительном через артикль обязательно выражается значение определенности—неопределенности, а при русском существительном оно выражается лишь тогда, когда это диктуется содержанием сообщения.

Следует сказать, что обязательность выражения определенных значений свойственна не только грамматике, но и лексике. Можно, например, заметить, что русский язык по сравнению с французским навязывает говорящим гораздо более детальное описание действий с точки зрения способа их осуществления, независимо от того, требует ли существо сообщаемого такой детализации или нет.

Смысл 'перестать находиться где-л.' выражается в русском языке несколькими глаголами — *выйти, вылететь, выплыть, выползти* — в зависимости от того, как перемещается субъект (идет, летит, плывет или ползет), между тем как во французском языке тот же смысл выражается единообразно — глаголом *sortir*. Хотя в русском языке имеется глагол *покинуть*, являющийся родовым обозначением соответствующего действия, в стилистически и семантически нейтральном контексте следует говорить (7i), а не (7ii):

(7i) Собака вышла из конуры,

(7ii) ?Собака покинула конуру.

С другой стороны, по-французски можно сказать *sortir en marchant*, если нужно в подчеркнутой форме выразить ту мысль, что некое существо (та же собака, например), покинувшее какое-то место, именно шло, а не перемещалось иным способом, но в условиях, когда такого специального смыслового задания нет, следует употреблять просто глагол *sortir*. В нейтральном контексте говорят (8i), а не (8ii):

(8i) Le chien est sorti de sa niche,

(8ii) ?Le chien est sorti en marchant de sa niche.

Совершенно аналогичным образом устроены русские и французские глаголы со значением преодоления пространственного препятствия: русским видовым обозначениям *переправиться (через границу)*, *перелететь (через Альпы)*, *перепрыгнуть (ров)*, *переплыть (реку)*, *переступить (порог)* соответствует один и тот же родовой глагол *franchir (la frontière, les Alpes, un fossé, un fleuve, le seuil)*. Использование русского родového обозначения *преодолеть* в этих условиях семантически и стилистически отмечено, а во французском языке семантически отмечено употребление расчлененных видовых наименований типа *franchir le fleuve à la page* 'переправиться через реку вплавь'. Иными словами, в нейтральных условиях на тему покидания какого-то места и преодоления пространственного препятствия в русском языке, притом в обязательном порядке, сообщается несколько больше, чем во французском.

Подобные расхождения свойственны не только глаголам со значением перемещения, но и глаголам со значением положения в пространстве. По-русски несколько необычны или сомнительны фразы:

(9i) *Поль находился у окна,*

(10i) *'Не находишься у окна!*

Соответствующие мысли должны быть выражены фразами:

(9ii) *Поль стоял у окна,*

(10ii) *Не стой у окна!*

хотя для говорящего может быть несущественным тот факт, что субъект этих ситуаций находился у окна в вертикальном положении, опираясь на ноги. Этот "лишний" смысл выражается в русском языке автоматически. Адекватные французские переводы фраз (9ii) и (10ii) — фразы (11i) и (12i) — по своему буквальному смыслу больше соответствуют фразам (9i) и (10i):

(11i) *Paul se trouvait près de la fenêtre,*

(12i) *Ne reste pas près de la fenêtre!* Выделенный разрядкой смысл выражается во французском лишь в том случае, когда в этом есть содержательная необходимость:

(11ii) *Paul se trouvait debout près de la fenêtre,*

(12ii) *Ne reste pas debout près de la fenêtre!*⁷

Здесь обнаруживается глубокая аналогия между морфологическими и семантическими фактами. Известно деление морфологических категорий на синтаксически обусловленные и необусловленные (ср. синтаксическую обусловленность числа, рода, лица у глагола, падежа, числа, рода у прилагательного, падежа у существительного и синтаксическую необусловленность времени, вида, наклонения у глагола, степени сравнения у прилагательного, числа у существительного). Известно, с другой стороны (см. *Иомдин 1979*), что почти для каждой синтаксически обусловленной категории существует синтаксическая конструкция или конструкции, в которых она оказывается семантически содержательной (ср., например, число прилагательного в сочинительных конструкциях типа *красный и белый шары*, где значение 'один красный шар и

один белый шар' выражается именно числом прилагательного, а не существительного).

В поверхностно-синтаксических структурах сведения о синтаксически обусловленных категориях элиминируются, за исключением тех случаев, когда последние семантически содержательны.

Рассмотренные выше факты показывают, что с автоматически выражаемыми значениями, независимо от их природы, дело обстоит до известной степени похожим образом: в одних случаях выражение такого значения может быть вынужденным, т. е. чисто автоматическим, а в других (например, в условиях просодической выделенности и противопоставления) — полностью совпадать с намерениями говорящего.

Очевидно, что правила обращения с такими значениями должны быть аналогичны правилам обращения с синтаксически обусловленными категориями: в ситуациях первого рода автоматически выражаемые значения нерелевантны и могут быть сняты (или порождены) без ущерба для существа сообщения, а в ситуациях второго рода они релевантны для сообщения и должны остаться неизменными.

Важность этой проблемы вполне выясняется в связи с задачей перевода. Адекватный перевод с языка на язык должен происходить без семантических потерь и приобретений, что в свете только что рассмотренных фактов семантической несоизмеримости разных языков предстает как трудно достижимый идеал. В самом деле, переводя, например, с русского языка на французский и обратно, мы должны знать, когда значение законченности—незаконченности, определенности—неопределенности, способа перемещения в пространстве и способа расположения в пространстве могут быть сняты (или порождены) без серьезного ущерба для адекватности перевода, а когда их снятие (или добавление) может привести к искажению существа переводимого текста.

Таким образом, в смысле предложения естественного языка мы обнаруживаем два разных слоя, или уровня, — национальный и универсальный. Чтобы добраться до универсального, самого глубокого слоя семантики, необходимо в определенных ситуациях уметь снимать обязательно выражаемые в данном языке, т. е. национально своеобразные, значения.

Уже из этих соображений следует, что в формальной модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" должно быть два уровня представления смысла — поверхностно-семантический (уровень национальной семантики) и глубинно-семантический (уровень универсальной семантики). На первом из них отражаются все выраженные в соответствующем предложении значения, в том числе и нерелевантные, а на втором — только те, которые существенны для сообщения.

Имеется еще одно основание для расщепления семантического уровня на поверхностно-и глубинно-семантические подуровни.

Как мы уже говорили, модель "Смысл \Leftrightarrow Текст" для каждого естественного языка должна формально эксплицировать отношения синонимии между предложениями этого языка.

В смысл синонимических предложений некоторого естественного языка могут входить как раз те обязательные, национально своеобразные значения, о которых мы говорили выше. Следовательно, синонимические отношения между ними должны устанавливаться раньше, чем на глубинно-семантическом уровне, где эта национальная специфика будет снята.

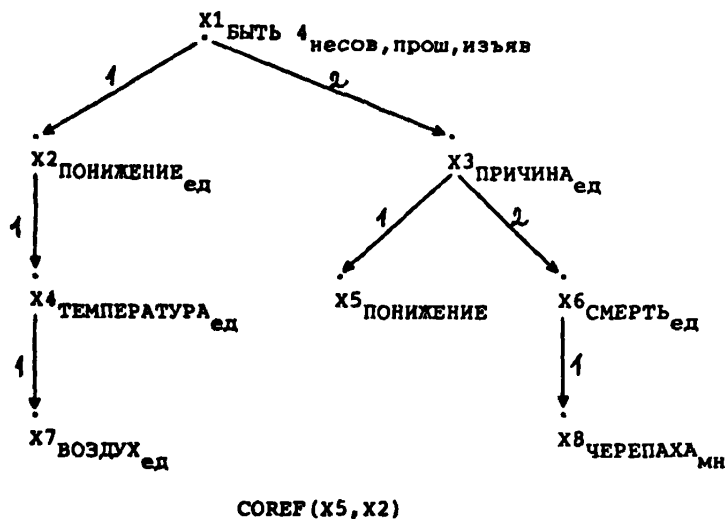
Естественно возникает вопрос: могут ли они все же описываться не на поверхностно-семантическом, а на глубинно-синтаксическом уровне, где действует специально для этого предназначенная система правил перифразирования (см. (6i) – (6vii))? Оказывается, однако, что на глубинно-синтаксическом уровне эксплицируются далеко не все отношения такого рода. Синонимическое перифразирование (6i)–(6vii) обеспечивается глубинно-синтаксическими правилами, а синонимическое перифразирование (6i) \Leftrightarrow (13), в некотором отношении более точное, – нет:

(6i) *Похолодание вызвало смерть черепах.*

(13) *Понижение температуры воздуха было причиной смерти черепах.*

Фразе (13) соответствует (с упрощениями) глубинно-синтаксическое представление (13').

(13')

Преобразование (6i) \Leftrightarrow (13') на глубинно-синтаксическом уровне невозможно потому, что в ГСС каждая лексическая единица фигурирует в "собранном" виде, как единое целое, а для выполнения (6i) \Leftrightarrow (13') необходимо обращение к отдельным составляющим ее семантическим элементам, т. е. в конечном счете – к толкованиям, или СемП'ам. Синонимия (6i)–(13') устанавливается не непосредственно, а через поверхностно-семантический уровень, на котором обе эти ГСС отражаются одинаково – в виде ПСемС (6"i) (см. ниже).

Толкованиями слов необходимо располагать и для целей экспликации отношений омонимии. В связи с этим поучительно вспомнить историю одной лингвистической контroversы, приведшей в конце концов к рождению так называемой генеративной семантики.

Среди многих возражений против интерпретирующей семантики (см. *McCawley 1968, Lakoff 1971*), исходные положения которой были сформулированы в *Katz and Postal 1964* и в усовершенствованном виде приняты в *Chomsky 1971* в качестве компонента "расширенной стандартной теории языка", было следующее: фразы типа

(15) John almost killed him

омонимичны и допускают следующие три интерпретации:

(15') 'Джон был близок к тому, чтобы сделать с ним нечто такое, что могло бы убить его, но не сделал этого' (например, готов был кинуться на него с ножом, но сдержался).

(15") 'Джон сделал нечто такое, что могло убить его, но этого не произошло' (например, сбросил или случайно спустил с горы камень, который пролетел на опасно близком расстоянии от стоявшего ниже человека).

(15''') 'Джон сделал с ним нечто такое, из-за чего он оказался в состоянии, близком к смерти' (например, ударил ножом).

Теория Н. Хомского, в которой объектами правил преобразования являются не семантические представления, а глубинные (синтаксические) структуры, этой омонимии объяснить не может, потому что в глубинных структурах все слова фигурируют в "собранном" виде. Между тем для того, чтобы объяснить эту омонимию, необходимо допустить воздействие наречия *almost* не на слово *kill* в целом, а на разные семантические компоненты в толковании этого глагола.

(16) $kill \cong 'cause\ to\ begin\ to\ be\ dead'$.

Областью действия *almost* могут быть компоненты 'cause', 'begin' и 'be dead'. В первом случае получается осмысление (15'), во втором — (15"), в третьем — (15''').

В связи с тем, что интерпретирующая семантика не способна объяснить эту и другие подобные ситуации омонимии, оппоненты Н. Хомского предлагали заменить ее более сильной теорией — генеративной семантикой, располагающей необходимым для этого аппаратом.

Имеется немало аргументов в пользу приведенного описания и против него. В частности, Н. Хомский в своем ответе критикам усмотрел здесь, и может быть, не без оснований, не ситуацию языковой неоднозначности (омонимии), а случай ситуативной неопределенности (см. *Weinreich 1966*), которая в принципе не должна описываться собственно лингвистической моделью. Однако, даже если Н. Хомский и прав в интерпретации этого конкретного примера, нельзя сомневаться в том, что явления такого рода в языке существуют (см. ниже, раздел 4.2.), и формальная модель языка должна быть в состоянии справляться

с их описанием. Решить эту задачу без достаточно детальных толкований содержательных единиц языка нельзя.

Итак, на поверхностно-семантическом уровне — уровне национальной семантики — решаются следующие задачи: (а) эксплицируются все выраженные в предложении значения, в том числе и те обязательные (обусловленные) значения, которые семантически нерелевантны; (б) эксплицируются отношения синонимии между предложениями данного естественного языка ("национальная" синонимия) и тем самым показываются системные семантические связи между различными содержательными единицами языка, в том числе и единицами разной природы; (в) эксплицируются отношения омонимии между предложениями данного естественного языка.

На глубинно-семантическом уровне — уровне универсальной семантики — решаются следующие задачи: (а) элиминируются все семантически нерелевантные значения; (б) эксплицируются отношения синонимии между предложениями разных (в идеале — всех) естественных языков.

Предлагаемое нами расщепление прежде единого семантического уровня на два новых подуровня обнаруживает неслучайное сходство с соответствующим делением синтаксического уровня: поверхностно-синтаксический уровень — это уровень, на котором описываются специфические для данного языка "национальные" синтаксические конструкции, а глубинно-синтаксический уровень — это уровень, на котором элиминируется национальная синтаксическая специфика, т. е. уровень универсального синтаксиса, единого для всех естественных языков.

Теперь попытаемся описать в самых общих чертах языки обоих уровней представления смысла предложений и семантические структуры, которые строятся из материала этих языков.

В свете того, что было сказано выше, глубинно-семантическим языком разумно считать элементарный универсальный семантический язык, словарь которого состоит исключительно из *indefinibilia* — семантических конструкторов, являющихся именами предметов или именами простейших предикатов, по преимуществу одно- или двухместных. Из таких слов по правилам предикатно-аргументного синтаксиса строятся глубинно-семантические структуры (ГСемС) — по существу те канонические структуры, о которых шла речь на с. 9.

Поверхностно-семантический язык отличается от глубинно-семантического и своим словарем, и своим синтаксисом.

Поскольку поверхностно-семантический язык предназначен для экспликации национальной семантики, основная часть его словаря должна формироваться из наименее идиоматичных, достаточно простых, но не обязательно элементарных слов того же естественного языка, отобранных таким образом, чтобы внутри поверхностно-семантического языка они не имели синонимов и использовались каждое ровно в одном значении. Таким образом, словарь поверхностно-семантического языка представляет собой продукт радикального упрощения (сокращения не меньше чем на два порядка) и стандартизации

(снятие синонимии, полисемии и омонимии) словаря соответствующего естественного языка.

С другой стороны, поскольку слова поверхностно-семантического языка в общем случае элементарны, его словарь а) значительно больше по объему, чем словарь универсального семантического языка, и б) помимо одно- и двухместных предикатов включает предикаты с большим числом мест.

Что касается различий поверхностно-семантического и глубинно-семантического языков в области синтаксиса, то они прямо вытекают из природы их предикатных слов: в число поверхностно-семантических отношений входят не два актантных отношения, как в глубинно-семантическом языке, а 5–6 актантных отношений (ср. замечания о глубинно-синтаксических отношениях в разделе 1.3.). Как видим, синтаксис поверхностно-семантического языка, в отличие от его словаря, не извлекается из естественного языка, а от начала и до конца конструируется.

Из слов поверхностно-семантического языка и его синтаксических отношений строятся ПСемС. В достаточно большом числе случаев (но, естественно, далеко не всегда) ПСемС являются продуктом первого шага замены содержательных единиц соответствующей ГСС (слов и граммем) их семантическими представлениями. Обязательной замене на семантические представления подлежат все грамлемы и те из лексических единиц, которые не совпадают ни с одним словом поверхностно-семантического языка или ведут себя нестандартно относительно правил семантических преобразований.

В качестве иллюстрации приведем (с упрощениями) ПСемС для ГСС (6'i) и, следовательно, для предложения (6i); в нее отображается и ГСС (13') с соответствующим ей предложением (13)⁸. См. (6'i).

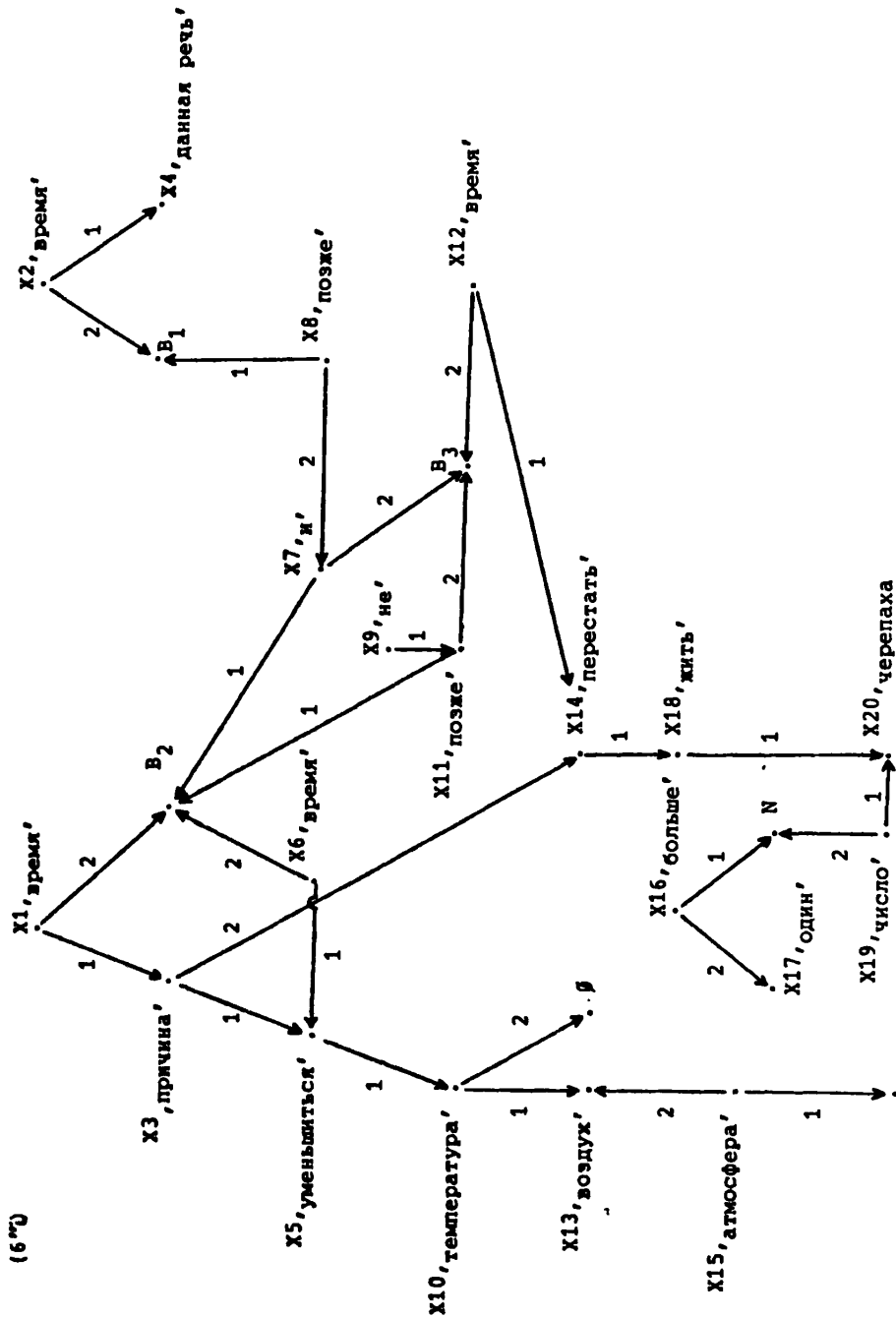
Эта ПСемС отражает следующие содержательные представления о значениях использованных в (6i) единиц:

(17) *Похолодание* = 'уменьшение температуры атмосферного воздуха'.

(18) *X вызвал Y* \cong 'Во время V_2 имела место ситуация X; во время V_3 имела место ситуация Y; X является причиной Y-а; V_1 время данной речи; V_1 позже V_2 и V_3 ; V_2 не позже V_3 (несколько упрощенное толкование лексического значения глагола *вызвать* и граммем прошедшего времени, изъявительного наклонения и совершенного вида).

(19) *Смерть Z-ов* \cong 'Тот факт, что Z, число которых больше одного, перестал жить' (толкование лексического значения слова *смерть* и граммемы множественного числа при Z).

При нынешнем состоянии разработки семантических проблем ничего более определенного о семантических языках, ГСемС и ПСемС сказать нельзя. В связи с неясностью многих вопросов, касающихся, в частности, ПСемС, мы в данной работе будем пользоваться более привычной формой экспликации смысла в виде толкований. Однако наши толкования (см. приведенные выше примеры) отличаются рядом существенных свойств и от перифраз, используемых в порождающей модели языка, и от традиционных лексикографических дефиниций.

В данной работе мы будем понимать под толкованием единицы X предложение на ограниченном и стандартизованном языке, построенное с соблюдением следующих требований: (а) оно должно быть в точности синонимично толкуемой единице X; (б) оно должно сводить толкуемый смысл к более простым смыслам — словам поверхностно-семантического языка (см. выше); (в) эти более простые смыслы должны быть настолько крупными, насколько это возможно без нарушения требования (б): последнее условие значит, что толкуемую единицу X следует сводить к ее "непосредственным семантическим составляющим", а не к мельчайшим неопределяемым словам - смыслам. Обоснование всех этих требований содержится в *Апресян 1974*.

Мы допускаем, что для решения трех основных задач поверхностно-семантического уровня — экспликации национальной семантики, а также отношений синонимии и отношений омонимии между предложениями в национальном языке — достаточно именно той степени детальности представления смысла, которая достигается в толкованиях языковых единиц. С другой стороны, такая степень детальности представления смысла абсолютно необходима: как будет подробно показано в дальнейшем, если бы мы не располагали толкованиями языковых единиц, а работали бы с самими этими единицами в собранном виде, мы бы лишились возможности эксплицировать отношения синонимии и омонимии между многими предложениями естественного языка с помощью простых и принципиальных правил.

1.5. Задача поверхностно-семантического компонента.

Задачей поверхностно-семантического компонента модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" является установление много-многозначного соответствия глубинно-синтаксических и поверхностно-семантических представлений, т. е.

$$(20) \quad \{ГСП\} \Leftrightarrow \{ПСемП\} .$$

В дальнейшем мы будем рассматривать соответствие (20) с точностью до структур и исключительно в направлении анализа, т. е. в направлении

$$(21) \quad \{ГСС\} \Rightarrow \{ПСемС\} .$$

Такое ограничение рамок исследования связано с тем, что по поводу соответствия

$$(22) \quad \{ПСемС\} \Rightarrow \{ГСС\}$$

в настоящее время нельзя сказать почти ничего определенного сверх того, что оно устанавливается посредством наложения на ПСемС некоторого предложения ПСемС содержательных единиц языка. Автору неизвестен ответ на ключевой вопрос о том, каким способом, отличным от полного перебора, можно выбрать для заданной ПСемС такие семантически содержательные единицы — слова и граммы, которые, с одной стороны, обеспечивали бы полное покрытие смысла ПСемС, а с другой — не выражали бы никакого лишнего смысла.

Этап (21) разбивается (не во времени, а чисто логически) на ряд отчетливо выделяемых шагов, первым из которых является подготовка заданной ГСС к

семантической интерпретации. Поясним, что мы имеем в виду. Рассмотрим фразы

- (23i) *Он едет в Москву,*
- (23ii) *Он уже <еще только> едет в Москву,*
- (23iii) *Он завтра едет в Москву.*

Фраза (23i) неоднозначна: она может пониматься либо как (23'), либо как (23''):

- (23') 'В момент речи он едет в Москву',
- (23'') 'В момент, более поздний, чем момент речи, будет иметь место то, что он едет в Москву, и у него, говорящего или лица, известного говорящему, имеется намерение, чтобы он ехал в Москву'.

В отличие от этого, (23ii) и (23iii) однозначны, причем (23ii) понимается только в смысле (23'), а (23iii) — только в смысле (23'').

Источником неоднозначности (23i) является то обстоятельство, что граммема НЕСОВ имеет несколько разных значений, в частности — значение длительного действия, т. е. действия, разворачивающегося в момент речи или в другой фиксированный момент (ср. (23')) и (в соединении с граммемой НАСТ) значение так называемого "намеренного или предстоящего действия" (ср. (23'')). Из (23ii) и (23iii) следует, что реальная возможность осмысления произвольной глагольной формы вида

- (24) (V), НЕСОВ, НАСТ

в длительном значении или значении предстоящего действия зависит от ряда условий. Эти условия должны быть учтены в правилах ГСС \Leftrightarrow ПСемС: очевидно, что для фразы (23i), которая реально омонимична, должны быть получены две разные ПСемС, а для реально однозначных фраз (23ii) и (23iii) — по одной.

Осмысления (23'') для (23ii) и (23') для (23iii) должны быть исключены именно на этапе перехода к ПСемС, когда грамлемы заменяются их толкованиями. Если это не будет сделано, на уровне ПСемС возникнет ложная омонимия⁹.

Значительная часть ложной лексической омонимии и полисемии к моменту перехода ГСС \Rightarrow ПСемС должна оказаться снятой на предшествующих этапах. Так, при интерпретации фразы

- (25) *Он сказал мне, что нездоров*

должно приниматься во внимание только одно — первое — лексическое значение глагола *говорить* — *сказать*. Два других значения (*О чем вы с ним говорили?*, *Один мой знакомый бегло говорит по-японски*) будут исключены еще на глубинно-морфологическом уровне, поскольку у них нет формы совершенного вида (*сказал*), что отмечается специальной записью в их словарных статьях.

При интерпретации фразы

- (26) *Установка не будет работать*

тоже должно учитываться только одно — служебное — значение глагола *быть*, потому что лишь оно обладает способностью иметь два таких зависимых, из

которых первое является именной группой в именительном падеже, выполняющей функцию подлежащего, а второе — инфинитивом несовершенного вида. Другие значения глагола *быть* — локативное (*Где вы были?*), посессивное (*У института были прекрасные мастерские*), экзистенциальное (*При испытании новых самолетов были случаи аварий*), связочно-классифицирующее (*Ночью все кошки ~~б~~ыть серы*) и связочно-идентифицирующее (*Это был Иван*) — этими свойствами не обладают. Номер значения глагола *быть* вырабатывается (в данном случае) на поверхностно-синтаксическом уровне с помощью грамматического правила, анализирующего русские аналитические конструкции.

Рассмотрим, наконец, фразу

(27) *Командный пункт находился под наблюдением,*

в которой нужное (третье) значение слова *наблюдение* устанавливается с помощью информации о лексических функциях на еще более глубоком уровне — глубинно-синтаксическом. Среди прочих лексических функций для лексемы *наблюдение 3* определена функция Oreg_2 = *находиться (под наблюдением)*, записываемая непосредственно в словарной статье *наблюдение 3*, а для лексемы *наблюдение 1* (ср. *Наблюдение явлений дифракции позволило ему сформулировать остроумную гипотезу*) и *наблюдение 2* (ср. *Ему принадлежит одно интересное наблюдение*) она не определена.

Однако часть ложной лексической полисемии и омонимии и вся граммемная полисемия остается неснятой даже на уровне ГСС. Поэтому семантическая интерпретация ГСС, т. е. процесс перехода $\text{ГСС} \Rightarrow \text{ПСемС}$, начинается с отсеивания тех еще не исключенных значений слов и граммем, которые в конкретных морфологических, синтаксических, лексических и семантических условиях данной ГСС не могут быть реализованы¹⁰. Этот отсев происходит на основе специальных правил реализации значений, рассматриваемых ниже. В результате для каждой ГСС формируются все допустимые комбинации значений входящих в ее состав слов и граммем. Для (23i), например, допустимыми будут две комбинации значений, а для (23ii) и (23iii) — по одной.

На втором шаге поддерева ГСС заменяются толкованиями (формально — подграфами ПСемС). При этом, если преобразуемое поддерево ГСС включает два или более узла, используются специальные правила взаимодействия значений, эксплицирующие законы построения ПСемС словосочетаний из ПСемС входящих в их состав словоформ.

По-видимому, следует предусмотреть еще один шаг в процессе перехода $\text{ГСС} \Rightarrow \text{ПСемС}$ — получение приведенной ПСемС всего предложения с помощью глобальных семантических правил, обрабатывающих не поддерева ГСС, а определенные типы ПСемС.

Для решения основных задач семантического компонента, как они были сформулированы выше, в него должна быть заложена семантическая информация по крайней мере следующих трех типов:

– информация о семантических признаках всех содержательных единиц языка – для формирования допустимых комбинаций значений (первый шаг преобразования ГСС \Rightarrow ПСемС);

– толкования содержательных единиц языка вместе с условиями их реализации;

– правила взаимодействия (сложения, преобразования) значений.

Уже сейчас более или менее очевидно, что некоторые другие, преимущественно метаязыковые задачи общей лингвистической теории требуют включения в семантический компонент еще некоторых типов семантической информации, в частности информации о семантических ассоциациях, или коннотациях данной единицы и информации о ее семантических связях с другими содержательными единицами языка. Однако для обеспечения преобразования ГСС \Rightarrow ПСемС достаточно первых трех типов семантической информации, и в дальнейшем речь пойдет только о них.

2. Семантические признаки

2.1 Понятие нетривиального семантического признака

Термин "семантический признак", возникший в рамках так называемого компонентного анализа значений, обозначает ту часть значения определенной содержательной единицы языка (обычно – лексемы), по которой она противопоставлена другой содержательной единице языка, при условии, что достаточно большая часть их значений совпадает. Очевидна аналогия между понимаемыми таким образом семантическими признаками и "дифференциальными фонологическими признаками". Типичные примеры семантических признаков "пол" (со значениями "мужской" и "женский"), "поколение" (со значениями "то же самое, что поколение его" – "непосредственно предшествующее" – "непосредственно следующее") и т. п. По признаку "пол", например, слово *отец* так противопоставлено слову *мать*, как слово *сын* – слову *дочь*.

Такие семантические признаки (назовем их тривиальными) дублируют часть значения определенной лексемы и в системе, располагающей толкованиями, абсолютно не нужны. Как теоретическое понятие они представляют собою очевидный анахронизм.

Семантические признаки, которые будут предложены в данной работе, имеют совершенно иную природу, и их следовало бы называть иначе. Единственным, но решающим основанием при выборе их названия послужило обстоятельство, что они имеют много общих свойств с синтаксическими признаками. Следовательно, название "семантические признаки" выбрано по аналогии, а чтобы предупредить возможность их неправильного сближения с традиционными (тривиальными) семантическими признаками, мы предлагаем называть их нетривиальными.

Чтобы освоиться с понятием нетривиального семантического признака, напомним более привычное понятие поверхностно-синтаксического признака¹¹.

Известно, что глаголы типа *начинать*, *стать*, *бросаться*, *пускаться*, *давать* (*А он давай плясать*), *переставать*, *прекращать*, *кончать*, *продолжать* и т. п. способны управлять формой (V), ИНФ, НЕСОВ, но не формой (V), ИНФ, СОВ:

(28) Он начал <начинал, перестал, продолжал> делать гимнастику,

(29) *Он начал <начинал, перестал, продолжал> сделать гимнастику.

Возможно словарное и грамматическое описание этого факта. Словарное описание свелось бы к включению соответствующего ограничения в модель управления каждого из этих слов. Грамматическое описание (а именно оно принято для этого случая в поверхностно-синтаксическом компоненте модели "Смысл \Leftrightarrow Текст") состоит в том, что в словаре каждому глаголу приписывается только синтаксический признак (фаз), который в пределах самой словарной статьи никак не расшифровывается. Содержательный смысл фазовости раскрывается условием (30) в общем поверхностно-синтаксическом правиле, устанавливающим комплетивное отношение между любым управляющим словом X (глаголом, существительным, прилагательным, наречием) и зависимым инфинитивом Y:

(30) Если $X = (V, \text{фаз})$, то $Y \neq \text{СОВ}$.

Это, бесспорно, более экономное и более общее описание. Сказанное тем более верно, что фазовые глаголы имеют и другие общие синтаксические свойства. Одним из них является то, что форма подлежащего при фазовом глаголе в значительной мере определяется обычной формой подлежащего при глаголе, инфинитивом которого управляет данный фазовый глагол (см. *Иомдин-Мельчук-Перцов 1975*). При глаголе *хватать*, например, подлежащее всегда стоит в родительном падеже:

(31) *Хлеба всем хватало* <никому не хватало>.

Если глагол *хватать* зависит от фазового глагола, то подлежащее последнего может быть оформлено так, как оно оформляется при *хватать*:

(32) *Хлеба всем начало* <перестало> *хватать*.

Следовательно, признак (фаз) оказывается необходимым в описании русского языка на основаниях, независимых от упомянутого выше правила, что, естественно, увеличивает его теоретическую ценность.

С помощью признака (фаз) и других подобных признаков, число которых даже в инженерно ориентированной модели русского поверхностного синтаксиса достигает 150, описываются синтаксические свойства слов, определяющих их способность—неспособность участвовать в тех или иных синтаксических конструкциях. Таким образом, синтаксический признак — это теоретический конструкт, позволяющий записать синтаксическую информацию (в рассмотренных случаях — информацию об особенностях управления) в сокращенном и обобщенном виде.